

„Маскарадъ”.

Забытый разсказъ изъ жизни Пушкина.

Пушкинъ, жизнь котораго, по справедливому выраженію А. О. Смирновой, представляетъ драгоцѣннѣйшій поэтическій матеріалъ, былъ выводимъ въ беллетристическомъ изображеніи рѣдко и въ общемъ довольно неудачно. Одна изъ лучшихъ подобныхъ попытокъ, при томъ самая ранняя, появилась много лѣтъ назадъ, черезъ два года послѣ смерти поэта. Это—разсказъ „Маскарадъ“, напечатанный въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1839 г. (т. XXXIII, отд. I, стр. 41—64). Въ свое время на него обратилъ вниманіе Бѣлинскій.

„Маскарадъ“ — говорилъ критикъ („Московск. Наблюдатель“ 1839 г., ч. II, № 3, „Русскіе журналы“)—„бойко и рѣзко написанный разсказъ, легкій очеркъ большого свѣта. Въ немъ играетъ важную роль какой-то поэтъ Н—нъ, по имени Александръ Сергѣевичъ, который, когда его маска называетъ Алеко и намекаетъ ему о Кавказѣ и Бессарабіи, принимаетъ это за намекъ на свои сочиненія... Но это еще ничего... Странно, что этотъ Н—нъ, пріѣхавъ съ маскарада домой, „скинулъ фракъ, придвинулъ свѣчу, опустилъ перо въ чернильницу, потеръ рукой по лбу, зѣвнулъ, написалъ шестую строку „Бородинской Годовщины“ и легъ спать“. Это что-то похожее—какъ бы сказать?—на плоскость, слишкомъ неумѣстную и для многихъ оскорбительную“...

По всѣмъ указаннымъ Бѣлинскимъ признакамъ слишкомъ ясно, что герой „Маскарада“ — Пушкинъ. Упомянутое о „Бородинской годовщинѣ“, этой высоко патріотической пьесѣ, которую Пушкинъ

писалъ будто-бы, зѣвая, дѣйствительно плоскость, обидная для памяти поэта. Бѣлинскій тѣмъ ощутительнѣе понялъ эту обиду, что самъ находился тогда въ фазисѣ преклоненія передъ царящею дѣйствительностью. (Именно къ 1839 г. относятся его знаменитыя „бородинскія“ статьи).

Разсказъ подписанъ именемъ „Невѣринъ“, безъ всякихъ инициаловъ, — очевидно, псевдонимъ. Кто подъ нимъ скрывался, намъ не удалось доискаться. Есть основанія думать, что „Невѣринъ“ — самъ издатель „Библиотеки для чтенія“ О. И. Сенковскій. Объ этомъ можно догадываться не только по неприличному намеку на счетъ „Бородинской Годовщины“, который вполнѣ въ духѣ безпардоннаго и бездушнаго Сенковскаго, но и по отрывку изъ „официальнаго донесенія турецкаго посла“, приводимому въ началѣ разсказа. Сенковскій, какъ извѣстно, любилъ и хорошо зналъ Востокъ и охотно и часто о немъ писалъ. Если даже разсказъ и не принадлежитъ Сенковскому, то по немъ несомнѣнно пришлась его безцеремонная редакторская рука. Но всего вѣроятнѣе, что авторъ „Маскарада“ дѣйствительно Сенковскій. „Мы слышали отъ него десятки подобныхъ разсказовъ про частную жизнь Пушкина, — передавалъ А. В. Дружининъ (некрологъ въ „Библ. для чтенія“ 1858 г.).

Давно забытый, но „бойко и рѣзко написанный“ разсказъ „Невѣрина“ интересенъ тѣмъ, что въ немъ выступаетъ Пушкинъ, въ качествѣ свѣтскаго человѣка и остроумнаго двигателя хитро задуманной маскарадной интриги. Былъ ли въ жизни Пушкина переданный „Невѣринымъ“ эпизодъ, это опредѣлить невозможно, но Пушкина авторъ несомнѣнно зналъ и сумѣлъ въ немъ показать находчиваго, увѣреннаго, остроумнаго гражданина большого свѣта.

Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчь блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ
.....
Всѣ чувства поражаетъ вдругъ.

Пушкинъ.

Било одиннадцать. Первая комната Энгельгардтова дома пестрѣла разноцвѣтными костюмами. Вдругъ дверь въ прихожую отворилась. Вошла дама въ черной маскѣ. Одинъ изъ мужчинъ насмѣшливо спросилъ:

· Beau masque, ты пріѣхала одна?

— Какъ можно, отвѣчала маска, покачивая головой, и оглянулась: старикъ мой тащится за мною. Вотъ онъ.

Въ эту минуту, ничего не подозрѣвая, вошелъ въ прихожую какой-то почтенный генераль. Бывшіе тамъ мужчины встрѣтили его громкимъ смѣхомъ, окружили и рассказали причину своей веселости. Генераль просилъ показать затѣйницу: ея ужъ не было.

Между тѣмъ въ залѣ уже начиналось движеніе; настала законный часъ непринужденной веселости. Маскарадъ одушевился; всѣ старались любезничать; всѣ шутили и позволяли шутить съ собой.

Маскарадъ, какъ извѣстно, свѣтъ на изнанку. Мужчины скромничаютъ и порой даже краснѣютъ. Женщины бѣгаютъ за мужчинами, шепчутъ имъ любовныя признанія, назначаютъ свиданія, упрекаютъ въ вѣтренности. Сходство между свѣтомъ и маскарадомъ является только въ томъ, что мужчины, и здѣсь и тамъ, плѣняясь сладкими словами, остаются въ дуракахъ.

Одна маска, подцѣпивъ грознаго воина, котораго никогда не встрѣчали въ дамскомъ обществѣ, таскала его изъ одной комнаты въ другую, кружила по залѣ, и до того расшевелила его воображеніе, что грозный воинъ посматривалъ на нее съ любопытствомъ и даже улыбнулся прежде, чѣмъ передалъ ее другому кавалеру.

Другая морочила философа. И философъ пустился догонять раскащицу, которая открывала ему самыя тайныя его помышленія и вовсе не философическіе замыслы.

Нѣкто, извѣстный своимъ равнодушіемъ къ женскому полу, стоялъ одинокомъ и смотрѣлъ насмѣшливо на эти женскія сатурналы.

Ученый оріенталистъ рассказывалъ столпившимся около него молодымъ слушателямъ, какимъ образомъ Ресми-эфенди, посоль турецкаго султана къ Фридриху Великому, описываетъ наши маскарады въ официальномъ донесеніи, напечатанномъ въ Константинополѣ. „Кромѣ плясокъ и сидячихъ собраній, есть у нихъ одинъ родъ ходячаго собранія, называемаго редуть или маскарадъ. Мужчины и женщины, налѣпивъ себѣ на лицо странныя рожи, нѣчто въ родѣ носовъ изъ тѣста, употребляемыхъ нашими паяцами, и закутавшись въ покрывала изъ чернаго и краснаго левантина, сперва посидятъ немного, а потомъ вдругъ всѣ встаютъ и начинаютъ въ страшномъ безпорядкѣ кружить по залѣ. Тогда каждый, по росту и тѣлодвиженіямъ, старается узнать ту барыню (бону), къ которой клонится его сердце. Такъ какъ бѣдствіе ревности неизвѣстно мужьямъ тѣхъ странъ и при томъ дѣло происходитъ какъ будто за занавѣсомъ, то, отыскавъ другъ друга, они схватываются подъ руки и преспокойно уходятъ туда, гдѣ ихъ душамъ угодно“.

Всѣ слушатели признали, что посолъ турецкаго султана былъ хорошій наблюдатель нравовъ.

— Чего же ты боишься?

— Мнѣ сказали, говорятъ...

— Что же говорятъ...

— Говорятъ, что у тебя заваль въ сердцѣ.

Маска убѣжала; обиженный намекомъ красавецъ спѣшилъ узнать ее.

Нѣкоторые изъ самыхъ сонливыхъ, сдвинутые съ своихъ подножій веселымъ разгуломъ маскарада, теряясь въ этой путаницѣ чиновъ и умовъ, пожимали плечами, увѣряя, что маскарадъ въ Петербургѣ—анахронизмъ.

Прочіе, посмѣтливѣе, вникая въ духъ времени, пользовались случаемъ, схватывали на лету сердца, блуждающія безъ цѣли, и были довольны собою.

У дверей залы, при входѣ въ буфетъ, на высшей эстрадѣ, сидѣла неподвижно черная маска. Только по сверкающимъ глазамъ можно было угадать, что она слѣдила кипучее движеніе бала и наблюдала за проходящими.

Кто-то за дверьми сказалъ:

— Здравствуй, Н—нъ.

Маска встала.

Н—нъ разговаривалъ съ однимъ школьнымъ товарищемъ и бранилъ маскарадъ. Для удовольствія бранить, онъ бывалъ на всѣхъ маскарадахъ, пріѣзжалъ одинъ изъ первыхъ, уѣзжалъ одинъ изъ послѣднихъ; нерѣдко тамъ ужиналъ и, послѣ каждаго маскарада, писалъ безсмертные стихи въ альбомъ смертныхъ красавицъ.

— Алеко!—сказала маска, слѣдуя за нимъ и грозя пальцемъ.

Н—нъ остановился, окинулъ маску пронизательнымъ взоромъ, покачалъ недовѣрчиво головою, взялъ товарища подъ руку, и, поклонившись, довольно сухо сказалъ маскѣ:

— Я, кажется, тебя не знаю.

— Неблагодарный!—произнесла маска дрожащимъ голосомъ. А я тебя такъ давно знаю!.. такъ давно люблю!

— Вѣрю. Только врядъ ли мы когда встрѣчались?

— Напротивъ. Мы рѣдко когда расстаемся.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ же мы видимся?

— Вездѣ, гдѣ ты бываешь!

— Напримѣръ?

— Я слѣдила за тобой на Кавказѣ, провожала тебя въ Бессарабію, была...

— О! понимаю; ты говоришь о моихъ сочиненіяхъ Многія красавицы дарятъ меня такими свиданіями; но отъ нихъ мнѣ мало проку. Прощай. Въ другой разъ перемѣняй голосъ, ежели хочешь обманывать.

Маска содрогнулась.

— Вотъ скучная маска!—сказалъ Н—нъ, отходя къ своимъ товарищамъ. У ней даже нѣтъ маскарадной сноровки. Вздумала прельщать моими сочиненіями!.. Пойдемъ, князь; быть можетъ, встрѣтимъ что-нибудь поинтереснѣе.

— Постойте, Алеко, сказала маска, не отступая отъ него.

— Какая неотвязчивая! произнесъ Н—нъ, однако жъ оборотился.

— Я имѣю къ вамъ препорученіе, важное дѣло, продолжала маска, понизивъ голосъ.

— Маскарадное?—спросилъ Н—нъ, хитро улыбаясь.

Маска лукаво кивнула головой.

— Это дѣло другое. Изволь, я слушаю.

Съ этимъ словомъ, опустивъ руку товарища, Н—нъ пошелъ съ маской.

— Вы поэтъ?

Дурное начало, подумалъ Н—нъ, сожалься, что дался въ обманъ.

— Вы человѣкъ съ душой?

— Ты хочешь сказать, съ душой для хорошенькихъ масокъ? О, съ большой душой!

— Александръ! Здѣсь идетъ дѣло не о маскарадной интригѣ, а о жизни и смерти.

— Право!—сказалъ Н—нъ, удивляясь столь неожиданному обороту,—ты итальянка что ли, что на маскарадѣ угрожаешь кинжаломъ?

— *Molto ha da Cuore il fuoco nel mio cuore*,—отвѣчала маска, къ большому удивленію Н—на.

— Ты, кажется, *mia bella*, перепорхнула съ южнаго карнавала на нашу сѣверную масляницу?

— Да. Я здѣсь чужая, не знаю вашихъ обычаевъ, нравовъ... Я прошу вашей помощи!

— Въ чемъ?

— Я имѣю важное дѣло къ человѣку, котораго совсѣмъ не знаю, никогда не видала, и въ рукахъ котораго моя судьба.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Его зовутъ Дальскимъ.

— Дальскимъ? Ты не впопадъ избрала меня въ посредники. Дальскій меня не терпитъ; навѣрное тебя подучили, чтобы при вести меня въ столкновеніе съ этимъ человѣкомъ.

— Я васъ не понимаю.

— Зачѣмъ же ты выбрала именно меня? Всѣ знаютъ, что онъ, если бы могъ, съ удовольствіемъ вырвалъ бы у меня языкъ...

— Я выбрала тебя потому, что твой языкъ долженъ быть отголоскомъ твоего сердца.

— Не всегда. О, не всегда!.. Кто ты?

— Не спрашивай!

— Но какъ же мнѣ тебѣ услужить, когда я не знаю, ни кто ты, ни чего ты хочешь?

— Выслушайте меня.

Маска начала рассказъ. Н—нъ слушалъ съ выраженіемъ сердечнаго участія. Другія маски, проходя мимо, привязывались къ нему, но онъ отвѣчалъ сухо и коротко; видно было, что рассказъ маски увлекъ совершенно его вниманіе.

— Однако жъ,—сказалъ Н—нъ, когда незнакомка перестала говорить,—я боюсь, чтобы не утонуть намъ съ тобой въ такомъ отважномъ предпріятіи.

— Не бойтесь за себя, Александръ; ни въ какомъ случаѣ я васъ не выдамъ, даже не назову, а меня никто не можетъ порицать за мою смѣлость. Въ моемъ положеніи она простибельна.

— Что же мнѣ будетъ за мое участіе?

— Слеза благодарности, которая жжетъ меня подъ маской...

— Я ее принимаю,—сказалъ улыбаясь благородный поэтъ,—такъ и быть; пустимся плыть противъ теченія, и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Съ этими словами Н—нъ пошелъ съ незнакомкой вслѣдъ за толпою.

Пройдя раза два взадъ и впередъ по залу, Н—нъ прижалъ локтемъ руку своей маски и шепнулъ ей:

— Вотъ онъ!..

Маска хотѣла броситься къ проходившему мимо ихъ мужчинѣ, высокому, худощавому, важной и гордой осанки, съ глубокими морщинами, съ безстрастнымъ взоромъ.

— Осторожно,—сказалъ Н—нъ, удерживая маску,—прежде надобно тебѣ познаться съ новымъ для тебя міромъ, чтобы умѣть подѣйствовать на воображеніе дѣловаго человѣка. Дальскій и въ маскарадѣ столько же остороженъ, какъ и у себя въ кабинетѣ. За тысячу верстъ онъ чувствуетъ просителя, и, не подавая ни малѣйшаго виду, умѣетъ отстранить его. Онъ такъ учтивъ, такъ привѣтливъ, такъ ласковъ, что душа рвется къ нему; а тутъ, глядь, и когти, которые не на шутку васъ задѣнутъ. Этотъ холодный человѣкъ имѣетъ, однако жъ, одну слабую сторону: онъ таетъ отъ

лучей черныхъ глазъ княгини В***. Княгиня вдова, женщина свѣтская, тонкая, умная, и не совсѣмъ молодая; но гордая! Ужасно гордая!.. Сундуки ея набиты процессами. Потеря этихъ процессовъ лишила бы ее той роскоши, безъ которой она не можетъ жить. Дальскій пользуется большимъ вліяніемъ у людей, отъ которыхъ теперь зависитъ судьба ея. Но, чѣмъ болѣе онъ напрашивается на благосклонное вниманіе княгини, тѣмъ далѣе она держитъ его отъ себя. Этою уловкой она раздражаетъ самолюбіе Дальскаго и каждую ласковою улыбкой покупаетъ у него ходатайство по новому процессу. Вѣроятно, послѣ резолюціи послѣдняго, княгиня, изъ благодарности промѣняетъ свою княжескую мантию на графскую корону графа Т***. Этотъ графъ... Посмѣйся хорошенько насчетъ графа Т***; пророчь ему неудачу; назови его близорукимъ, и Дальскій будетъ слушать тебя, развѣся уши... Вотъ тебѣ канва; ты можешь выводить по ней любые узоры; успѣхъ или промахъ, дѣло въ твоихъ рукахъ.

— Вашъ очеркъ меня пугаетъ...

— Не теряй бодрости! Какъ ни уменъ и смѣтливъ Дальскій, самолюбіе и тонкая лесть помогутъ тебѣ сбить его съ толку. Но мнѣ ли учить тебя, какъ обмануть мужчину? Ты женщина: это твое ремесло.

— Благодарю васъ, Алеко. Вы меня ободряете!

— Еще одно слово,— сказалъ Н—нъ,—не говори на маскарадѣ никому „Вы“. Это противно закону. Здѣсь всѣ братья. Для того и маска, чтобы уровнять сословія.

— Постараюсь держаться вашего... твоего правила...

Замѣтивъ робость и замѣшательство незнакомки и чувствуя подъ тафтой неровное біеніе сердца, Н—нъ старался ободрить ее, успокоить и дать ей время собраться съ силами. Онъ указалъ ей на нѣкоторыхъ посѣтителей, изложилъ ихъ послужной списокъ, сношенія и отношенія, и прибавилъ: „Знакомство съ этими лицами можетъ пригодиться тебѣ при случаѣ“. Пока Н—нъ рѣзкою своей кистью писалъ ей портреты нѣкоторыхъ проходящихъ, маска тяжело вздыхала.

— Ты бы должна скорѣй смѣяться надъ моей пестрою картиной,—сказалъ поэтъ съ нетерпѣніемъ,—боюсь, ты все перепутаешь.

— Не безпокойся. Придетъ пора, я буду смѣяться и шутить; увидишь.

— Посмотримъ,—сказалъ Н—нъ, но пора къ дѣлу, время уходитъ. Смѣлѣй начинай, Дальскій приближается... Что же ты, оробѣла? Интригуй же меня!

Маска невнятно что-то пробормотала и потихоньку перекрестилась.

Н—нъ захохоталъ.

Толпа задерживала Дальскаго въ дверяхъ китайской комнаты.

— Бѣдный, какъ его прижали!— сказала маска пискливымъ голосомъ,— ты не уйдешь отсюда.

Дальскій оборотился.

— Ты думаешь, beau masque, что мнѣ нельзя уйти? Почему?

— Ты ожидаешь, ищешь кого-то...

— Кого же?

— Одну особу, которую ты преслѣдуешь на всѣхъ балахъ, на всѣхъ гуляньяхъ.

— Я никого не преслѣдую.

— Отговорки! Я не разъ видѣла, какъ ты, задумчиво въ разсѣянности, слѣдилъ за нею.

— Гдѣ же мы встрѣчаемся съ тобой?

Маска замялась.

Н—нъ подхватилъ: Она увѣряла меня, что видитъ васъ очень часто у Д—выхъ.

— Ты со мною разговаривала?

— О, нѣтъ! Тогда все твое вниманіе было обращено на другую.

— Такъ ты за мною присматриваешь?

— И очень!

— Для чего жъ?

— Чтобы лучше изучить тебя! Хотя ты очень скрытенъ, очень остороженъ, боишься, чтобы не проникли твоихъ замысловъ, однако, я ихъ угадала.

— Почему?

— Ты ненавидишь графа Т***.

Эти слова были сказаны Дальскому на ухо. Онъ изумился.

— Вы знаете, кто эта маска?—спросилъ онъ Н—на.

— Нѣтъ возможности узнать; она то пищитъ, то картавитъ, то шепелявитъ... Она все знаетъ, вездѣ была, наговорила мнѣ такихъ вещей... сущая колдунья. Не угодно ли вамъ самимъ попытаться узнать, кто она; можетъ быть, это вамъ удастся лучше моего.

— Охотно!—сказалъ Дальскій,— если маскѣ угодно подать мнѣ руку.

— О! я знаю, зачѣмъ ты хочешь со мною говорить.

— Зачѣмъ?

— Чтобы разспросить насчетъ ея.

— Плутовка! Кто же это она, которая, по твоему мнѣнію, тревожитъ мое сердце.

— Алина!

— Алина? Ммъ! Нѣтъ! Ты не отгадала... Что же эта Алина думаетъ про меня?

— Про тебя?.. Что ты въ нее влюбленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. И она вѣритъ въ мою любовь?

— Какъ каждая женщина.

— Такъ ты думаешь, что я могу...

— О, да, ты можешь!

— А мой соперникъ?.. Онъ мнѣ опасенъ?

— Тебѣ? Развѣ тебѣ, такъ же, какъ и ему, нужны очки, чтобъ ясно видѣть?

Дальскій окинулъ маску испытующимъ взглядомъ; онъ былъ въ недоумѣніи, догадывался и боялся ошибиться. Онъ подзывалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; маска каждая называла; съ иными шутила; другихъ дразнила.

— А этого ты знаешь? — спросилъ Дальскій, подводя ее къ графу Т***.

Маска дернула Дальскаго за руку, отворотилась, и, удаляясь отъ графа, сказала Дальскому голосомъ упрека:

— Какая неосторожность!

Дальскій остановился.

— Твое имя! Прошу тебя, скажи, кто ты!

— Угадай!

— Не смѣю. Но ты такъ мила, такъ снисходительна, что вѣрно не откажешь мнѣ въ счастья увидѣть тебя безъ маски.

— Изволь.

— Мѣсто!

— Михайловскій театръ.

— День?

— Будущая среда.

— Знакъ?

— Во время антракта я уроню въ партеръ афишку.

— А я могу ли тебѣ ее вручить?

— Если ты меня узнаешь, почему же нѣтъ!..

— Постараюсь! Куда же ты? Поговори еще со мною... я еще не успѣлъ ничего сказать.

— Поздно.

— Позволь мнѣ проводить тебя до кареты.

— О, нѣтъ! Это противно законамъ маскарада.

— Я остаюсь. Гдѣ же твой кавалеръ?

— Вотъ онъ,—сказала маска, показывая на Н—на, который въ отдаленіи стоялъ всторожѣ.

— Ваша маска восхитительна,—сказалъ Дальскій, откланиваясь и передавая ее Н—ну.

— Я увѣренъ, что ничего любезнѣе вы здѣсь не встрѣчали... Ну, что?—спросилъ Н—нъ нетерпѣливо у маски, пройдя нѣсколько шаговъ въ молчаніи и осматриваясь, не слѣдуетъ ли за ними Дальскій.

— Александръ Сергѣевичъ, не оставьте меня! Докончите начатое!

— Что вамъ еще надобно?

— Въ среду уговорите княгиню быть въ Михайловскомъ театрѣ, поѣзжайте къ ней въ ложу... и въ антрактѣ сбросьте афишку въ партеръ... я буду все видѣть. Вы общаете?

— Извольте,—сказалъ Н—нъ, смѣясь отъ чистаго сердца.—Но и вы будете въ театрѣ?

— Только не для васъ; вы меня не увидите: ожидайте меня здѣсь у дверей на будущемъ маскарадѣ, и вы все узнаете. Прощайте...

Съ этими словами маска скрылась.

Дальскій предавался самымъ сладкимъ мечтаніямъ; онъ припоминалъ маленькую ручку незнакомки, ея узенькую ножку, ея пахучія бѣлыя перчатки, прозрачный черный чулокъ, благородную осанку, башмакъ, домино, любезность. Чѣмъ болѣе углублялся онъ въ самолюбивыя догадки, тѣмъ веселѣе посматривалъ на любопытныхъ, которые, во время его продолжительнаго разговора съ заманчивою маской, болѣе или менѣе слѣдили за нимъ. На вопросы, кто была эта маска, онъ всячески намекалъ на княгиню, хвалилъ умъ и тонкое обращеніе своей маски, и это самое было зародышемъ слуха, который разнесся по всему городу, будто скоро сбудется неслыханная новость, несбыточное дѣло, и что это дѣло тонкій Дальскій устроилъ въ маскарадѣ. Н—нъ уѣхалъ одинъ изъ послѣднихъ съ этого маскарада. Онъ былъ необыкновенно веселъ, ужиналъ; возвратясь домой, онъ скинулъ фракъ, придвинулъ свѣчу, опустилъ перо въ чернильницу, потеръ рукой по лбу, зѣвнулъ, написалъ шестую строку „Бородинской Годовщины“, и легъ спать.

„Театръ ужъ полнъ. Ложи блещутъ,
 Партеръ и креслы, все кипитъ!
 Въ райкъ нетерпѣливо плещутъ,
 И взвившись занавѣсъ шумтъ...
 „Онъгиня“ Пушкина.

Два дня спустя, въ Михайловскомъ театрѣ давали „L'Ecole des vieillards“. Громкія рукоплесканія награждали любимицу актрису. Когда занавѣсъ опустился послѣ перваго акта, множество лорне-

товъ устремлялось на ложу белль-этажа, гдѣ сидѣла очень нарядная дама. Ея нѣкогда знаменитая красота, благородный окладъ лица, разительная бѣлизна, неприкрытая ложнымъ румянцемъ, обращали на себя вниманіе наблюдателей. Сбросивъ бархатную шаль, она живописно оперлась рукою на перилы ложи и разсѣянно окидывала взоромъ кресла. Ложа княгини то пустѣла, то наполнялась дипломатами и военными. Наконецъ вошли графъ Т*** и Н—нъ.

— Откуда такъ поздно?

— Я проспалъ,—сказалъ Н—нъ, уступая графу мѣсто позади княгини и придвигая себѣ стулъ сбоку.

Н—нъ много болталъ, княгиня много смѣялась, графъ много хмурился.

— Перестаньте, Н—нъ, смотрите, всѣ лорнеты обращены на насъ.

— Имъ сюда и дорога.

Княгиня ласково улыбнулась.

— По-неволѣ станешь смѣяться, слушая ваши шалости.

— Смотрите, пожалуйста, княгиня, какъ Дальскій осторожно пробирается между креслами. Я боюсь, что эта старая башня развалится отъ перваго толчка.

— Тише, Н—нъ; вы сегодня нестерпимо веселы.

— Виновать ли я, что вы сегодня нестерпимо милы! Это говорю не я, а глаза Дальскаго. Взгляните, какъ жалобно просятъ они къ вамъ въ ложу? Бѣдный, онъ боится предательскаго лорнета; онъ не смѣетъ направить его въ вашу сторону. Дайте оболъ Велисарію... поклонитесь ему.

— Что съ вами!.. Онъ и то мнѣ надоѣлъ.

— Онъ остановился. Бѣдняжка, не смѣетъ! Сжальтесь надъ нимъ, княгиня, нето отъ огорченія онъ потеряетъ послѣдніе волосы.

— Н—нъ, я васъ сейчасъ прогоню!

— Въ такомъ случаѣ лучше самому убраться.

Н—нъ привсталъ, снялъ футляръ лорнета княгини съ перилъ, чтобъ положить его на стулъ, и афишка, закружившись въ воздухѣ, упала къ ногамъ Дальскаго, который стоялъ подъ ложей. Дальскій взглянулъ на верхъ и былъ встрѣченъ за спасеніе афишки привѣтливою улыбкой княгини. Глаза его сверкали радостно; нѣтъ болѣе сомнѣнія... это была она! Быстро взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ и постучался въ дверь ложи.

— Рѣдкій случай,—сказалъ онъ, подавая афишку,—оказать вамъ услугу, и я поспѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы...

— Благодарю, сказала княгиня, смѣясь и принимая афишу.

Въ это время снова началось представленіе; княгиня обрати-

лась къ сценѣ. Дальскій вышелъ изъ дожи. При послѣднихъ словахъ пьесы--

„Et ton ami Bonnard ne se mariera pas!“

княгиня съ шумомъ оставила ложу и въ сѣняхъ, прислонясь къ периламъ лѣстницы, ожидала кареты.

— Вы изволили быть вчера въ маскарадѣ?—спросилъ Дальскій, подходя къ княгинѣ.

— Была,—отвѣчала она, поглядывая на дверь.

Нѣсколько человѣкъ молодыхъ щеголей окружили ее и Дальскаго. Къ нимъ присоединился и Н—нъ.

— Какъ вамъ нравится сегодняшняя пьеса?

— Хороша.

— Вы много интриговали?

— Не скажу.

— Сегодня раутъ у графини П***. Вы будете?

— Нравятся вамъ маскарады?

— Не очень. Они рѣдко мнѣ удаются.

— Вы находите?

— Посмотрите, княгиня, какая красавица!

— Гдѣ?

— Вы будете на будущемъ маскарадѣ?

— Если Дворъ будетъ, то и я поѣду.

— Карета австрійскаго посланника!

— Какъ долго не подаютъ моей кареты!

— И будете опять скрываться, какъ на первомъ маскарадѣ?

— Я никогда не скрывалась отъ тѣхъ, кто хочетъ меня узнать.

— Нельзя ли и меня посвятить и въ эту тайну?

— Охотно; вы можете узнать меня по голубой ленточкѣ на рукѣ.

— Но вы перемѣняете голосъ?

— Непремѣнно! Иначе не стоило бы надѣвать маски.

— Какъ же вы это дѣлаете?

— Ваша карета, княгиня,—сказалъ подходя графъ Т***.

Княгиня поклонилась въ обѣ стороны и исчезла.

Дальскій торжествовалъ. Самодовольнымъ видомъ окинулъ онъ стоящихъ. Невидный собою мужчина, находившійся вблизи, поймалъ его взглядъ и поклонился почтительно и низко. Дальскій небрежно кивнулъ ему головой и отворотился.

— Кто это?—спросилъ его Н—нъ.

— Несносный С—нъ.

— А, знаю. Безсмѣнный кандидатъ на всѣ вакантныя мѣста.

— И которыхъ не видать ему, какъ своихъ ушей.

— Кто это съ нимъ стоитъ? Жена его?

— Не знаю,—отвѣчалъ Дальскій, опуская носъ въ бобровый воротникъ.

— Она чудно хороша!

— Вы находите?—спросилъ Дальскій разсѣянно.

— Я рѣдко встрѣчалъ такую красавицу.

— Берегитесь, насъ могутъ подслушать! Пора интригъ и маскарадовъ еще не кончилась.

— Это до меня не касается,—отвѣчалъ Н—нъ, пробираясь къ подъѣзду.

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!“

Насталъ предпоследній день масляницы, послѣдній вечеръ свиданій, объясненій, признаній, надеждъ. Пробыло одиннадцать. Маскарадъ былъ въ полномъ дѣйстви. Гости толпились во всѣхъ комнатахъ; вездѣ тѣснота, давка, шумъ. Всѣ кружились, толкались, переговаривались.

Н—нъ сидѣлъ съ однимъ изъ своихъ друзей въ первой комнатѣ и шутилъ надъ проходящими.

— Полно сидѣть здѣсь, пойдѣмъ!—сказалъ его пріятель.

— Нѣтъ, я усталъ; вчера до трехъ часовъ зѣвалъ я у княгини Х***.

— Ну, такъ я пойду одинъ.

— Съ Богомъ.

Въ это время вошло нѣсколько масокъ. Одна изъ нихъ быстро подошла къ Н—ну и сѣла возлѣ него.

— Не теряй времени.

— А, это ты?

— Отыщи княгиню.

— Ты мной довольна?

— Очень. Отвяжи у нея ленточку на рукѣ.

— Да ты меня измучишь!

— Гдѣ Дальскій?

— Вотъ онъ, стоитъ и считаетъ звѣзды.

— Вотъ и княгиня. Бога ради, дай мнѣ руку и пойдѣмъ.

Они пошла во вторую комнату. Двѣ маски, живо разговаривая, стояли въ углубленіи окна. Не спуская глазъ съ этихъ масокъ, стоялъ Дальскій у стѣны. Поравнявшись съ нимъ, Н—нъ громко сказалъ своей дамѣ:

— Худо сыграно. Я васъ узналъ! Ваша ленточка... Вы забыли снять ее.

Дальскій обернулся.

— Какъ это скучно! — сказала маска, закрывая свою ленточку носовымъ платкомъ.

— Поздняя предосторожность! — сказалъ Н—нъ.

Маска удвоила свои шаги. Дальскій побѣжалъ за ними.

— Куда вы это такъ бѣжите?

— Дальскій за нами.

— Ну, такъ что же?

— Я тебя узналъ! — сказалъ Дальскій, загоразивая имъ дорогу.

— Чего ты отъ меня хочешь? — спросила маска самымъ визгливымъ голосомъ.

— На два слова только.

— Я тебя не знаю.

Маска хотѣла уйти.

— Ты притворяешься.

— Ни чуть; я тебя первый разъ вижу.

— Къ чему эта шутка? Ты та самая маска, которая обворожила меня на прошломъ балѣ.

— Ты думаешь?

— Ты была вчера въ театрѣ?

— Далѣе.

— Ты уронила афишу.

— Не думала, сказала маска, опуская руку Н—на и отходя въ сторону. Ты принимаешь меня за другую.

— Я беру тебя за ту, которую боготворю, которой взглядъ для меня жизнь и смерть... Постои, выслушай меня!

— Здѣсь не мѣсто.

— Теперь или никогда! Рѣши, рѣши мою участь! Скажи да или нѣтъ. Твой дѣла...

— Кстати о дѣлахъ. Я имѣю къ тебѣ просьбу.

— Могу ли я въ чемъ-либо отказать такой любезной маскѣ.

— Но помни, что слово, данное въ маскарадѣ, свято!

— Приказывай.

— Ты сдѣлаешь?

— Непремѣнно. Если только дѣло возможное, такъ оно сдѣлано; а если невозможное... то оно сдѣлается.

— Я принимаю участіе въ одномъ человѣкѣ, котораго судьба въ твоихъ рукахъ.

— Кто онъ, и чѣмъ могу доказать тебѣ мою преданность?

— Доставь С—ну мѣсто, которое онъ ищетъ.

— С—ну? Ты развѣ знаешь С—на?

— Жена его, подруга моего дѣтства; мы вмѣстѣ учились.

— Я этого не зналъ.

— И вѣрно потому былъ къ нему часто несправедливъ?

— Ты думаешь?

— Да!

— Но я никогда у тебя не встрѣчалъ его?

— Обстоятельства. Ты знаешь, въ какомъ несчастномъ положеніи онъ находится.

— Онъ самъ виноватъ. Вы его не знаете, княгиня! Онъ мнѣ врагъ. Онъ много сдѣлалъ мнѣ зла, и я имѣлъ полное право отмстить ему тѣмъ, что онъ для меня готовилъ.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Я этого желаю; я васъ объ этомъ прошу.

— Но... это невозможно.

— Такъ прощайте, мой обожатель.

— Пойдите! Вы сердитесь?

— Ваша преданность очень, очень разсудительна.

— Но вы не знаете, чего просите.

— Довольно, что я прошу, и что моя просьба отвергнута; теперь я никому по повѣрю.

— Извините; я вамъ сказалъ, что если дѣло невозможное, то оно сдѣлается... А ежели я исполню ваше желаніе, то повѣрите, что я готовъ для васъ жертвовать всѣмъ, даже своимъ благомъ?

— Повѣрю.

— И не станете болѣе убѣгать меня?

— Не стану.

— И я найду въ васъ ту же благосклонность безъ маски, какъ и въ маскѣ.

— Обѣщаю.

— А онъ?

— Онъ? Такіе люди необходимы для разъѣздовъ изъ театра. Дальскій засмѣялся.

— Такъ я могу обрадовать мою пріятельницу счастливою вѣстію?

— Можете.

— Бѣдная Александрина, какъ она будетъ рада! Чѣмъ мнѣ доказать теперь мою признательность?

— Подарите мнѣ эту ленточку.

— Съ удовольствіемъ; черезъ нее я узнала рѣдкую доброту вашего сердца.

— А для меня она будетъ залогсмъ моего счастья и доказательствомъ вашей благосклонности.

— Когда же увижу въ газетахъ доказательство, что вы дорожите моимъ одобреніемъ? Надѣюсь, на второй недѣлѣ поста. Я васъ жду. Теперь оставьте меня; за нами наблюдаютъ.

И точно, графъ Т***, казалось, не спускалъ глазъ съ дамы, съ которою говорилъ Дальскій. Дальскій поспѣшилъ къ графу.

— Весело ли вамъ графъ?

— Напротивъ, я скучаю. Преглупая выдумка эти маскарады!

— Не говорите этого, отвѣчалъ Дальскій. Суетливое, пестрое сборище имѣетъ большія преимущества передъ форменнымъ баломъ. Нельзя себѣ представить, сколько тутъ созрѣваетъ важныхъ событій, счастливыхъ послѣдствій!..

— Неужъ-то вы и въ маскарадѣ находите дѣловую цѣль?

— Большую, важную! Маскарадъ вѣрный источникъ правды; маска лучшій проводникъ горькой истины, или тайнаго чувства, которыя не смѣютъ или боятся показаться на глаза. Признанія, мнѣнія, просьбы, обвиненія, все можно смѣло высказать подъ маской...

— Съ кѣмъ вы разговаривали?

— Не знаю... Маскарадъ обнаруживаетъ всѣ тайныя отношенія людей, сближаетъ состоянія, доставляетъ неуловимый нигдѣ случай къ объясненіямъ...

— Вы долго разговаривали съ вашей маской?

— Не очень... Приводитъ въ ясность самыя скрытыя мнѣнія людей о людяхъ...

— Вы скрываете. Это была княгиня!

— Не думаю... Объясняетъ много непонятнаго для насъ въ обыкновенныхъ сношеніяхъ лицъ...

— Но гдѣ же цѣль дѣловая? До сихъ поръ я вижу только интригу.

— А просьба? А участіе, принимаемое нѣкоторыми лицами въ дѣлахъ другихъ лицъ?.. Наблюдатель можетъ почерпнуть въ маскарадѣ весьма важныя свѣдѣнія для пользы отечества...

— Желаю вамъ отъ души успѣха и хорошихъ свѣдѣній для пользы отечества, сказалъ графъ, отходя, и скрылся въ толпѣ.

Между тѣмъ Н--нъ подошелъ къ маскѣ, которая обратила было вниманіе осторожнаго Дальскаго.

— Княгиня, это вы?

— Да, да, я. Пожалуйста, не интригуйте меня; дайте руку и проводите меня скорѣе до подъѣзда.

— Зачѣмъ же вы пріѣхали въ маскарадъ?

— Такъ. Всѣ ѣдутъ.

— Съ кѣмъ вы это разговаривали?

- На что вамъ?
- Ага, видите, у васъ есть секреты?
- Можетъ быть.
- Что это у васъ за ленточка?
- Отводъ отъ докучливыхъ людей.
- Подарите мнѣ ее?
- На что она вамъ?
- Для вдохновенія.
- Возьмите. Великому поэту ни въ чемъ не должно отказывать. Кстати, когда будете вы читать мнѣ вашу новую поэму?
- Когда прикажете.
- Хотите ли, на второй недѣлѣ поста. Я на первой говѣю.
- Слушаю.

Они спускались по лѣстницѣ, на которой уже стояли многіе въ ожиданіи своихъ экипажей, кто въ маскѣ, кто безъ маски, кто смѣясь, кто зѣвая. Жандармъ прокричалъ „Карета княгини В****“, Дальскій оглянулся, бросилъ жадный взглядъ на руку княгини; сердце его забилося, глаза заблестали; онъ поклонился.

— Довольны ли вы маскарадомъ? спросила она, порхнувъ мимо его.

— Чрезвычайно! отвѣчалъ Дальскій.

Княгиня была уже далеко.

Le masque tombe, l'homme reste.

Прошла и первая недѣля поста.

Въ гостиной княгини В**** сидѣло нѣсколько мужчинъ, поглядывая съ нетерпѣніемъ то на дверь въ столовую, то на часы на каминѣ. Наконецъ звонокъ въ прихожей прозвенѣлъ. Явился Н—нъ. Всѣ пошли въ столовую. Послѣ обѣда, въ гостиной княгини остались одни приверженцы поэзіи и сама хозяйка. Н—нъ читалъ имъ, но читалъ вяло, протяжно, безъ одушевленія. Графъ Т*** зѣвалъ. Княгиня вышивала и дарила поэта краснорѣчивымъ молчаніемъ. Доложили: Петръ Θεодосьевичъ Дальскій!

— Откажите, просилъ Н—нъ.

— Нельзя, онъ видѣлъ ваши кареты.

— Онъ такой скучный!

— Еще одинъ процессъ, сказала княгиня, и я вамъ его уступаю, *messieurs*, въ полное распоряженіе. Дальскій вошелъ. Многіе пробрались къ дверямъ. Н—нъ свернулъ рукопись.

— Я, кажется, помѣшалъ, сказалъ Дальскій, придвигая стулъ.

— Нисколько, сказала княгиня. Что новаго?

— Читали вы сегодняшнюю газету?

— Я никогда не читаю вашей скучной газеты.

— Удостойте хотя разъ, сказалъ Дальскій, развертывая печатный листъ и подавая его княгинѣ.

— Что же тутъ особеннаго? сказала княгиня, поворачивая листъ во всѣ стороны. Пошлыя остроты, скучные отчеты, безсвязныя извѣстія.....

— Третья красная строка на первомъ столбцѣ.

— „Назначаются.....“

— Надѣюсь, что вы мной довольны?

— Я?

— Я исполнилъ ваше приказаніе.

— Мое?

— Вашъ protégé получилъ вождедѣнное мѣсто.

— Какой protégé?

— Мужъ Александрины.

— Александрины? Я никакой Александрины не знаю.

— Вы шутите, княгиня! Теперь великій постъ, грѣхъ притворяться! сказалъ Дальскій, нѣжно смотря на княгиню.

Княгиня покраснѣла.

— Я васъ не понимаю.

— Вы развѣ забыли ваши слова, княгиня, что маскарадныя обѣщанія святы?

— Какія обѣщанія? Объяснитесь, прошу.

— На послѣднемъ маскарадѣ вы просили о мѣстѣ для господина С—на.

— Что съ вами? Кто этотъ господинъ С—нъ?

— Какъ? сказалъ графъ Т***. Вы не знаете господина С—на, и просите для него мѣста? Прекрасно, ваше сіятельство! Господинъ С—нъ.....

Графъ описалъ поступокъ господина С—на съ Дальскимъ.

— Я не стала бы просить за такого человѣка. Если бы онъ и былъ мнѣ знакомъ; я почла бы безсовѣстнымъ употреблять во зло мое предполагаемое вліяніе.

— Но вы просили изъ уваженія къ его женѣ, которая подруга вашего дѣтства, съ которой вы воспитывались...

— Мосье Дальскій! да что вы это вздумали морочить меня?

— Но, княгиня, на послѣднемъ маскарадѣ не вы ли сами меня просили?

— На послѣднемъ маскарадѣ?... Графъ, вы лучше моего знаете, разговаривала ли я съ мосье Дальскимъ?

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ представить неоспоримое доказательство.

— Какое?

— Вашу ленточку.

И Дальскій вынулъ изъ портфеля ленточку.

— Это не моя ленточка! Мою я подарила Н—ну. Такъ ли?

— И вы видите, что я васъ не обманулъ, сказалъ Н—нъ, указывая на рукопись.

— Что это все значить? вскричалъ Дальскій сердито. Мосье Н—нъ, вы должны знать, кого вы ко мнѣ подводили?

— Могу ли я ручаться за каждую маску? Я принималъ ее за Виргинію Бурбіе.

— А! ба! она все время со мной говорила по-русски.

— А со мною по-италіянски.

— *Chi va piano, non sempre va sano*, сказала княгиня. Въ другой разъ, мосье Дальскій, не оставляйте вашей осторожности у дверей маскарадной залы.

— Но кто же могъ, княгиня, поддѣлаться такъ искусно подъ вашъ голосъ, ваши приемы?

— Вѣроятно тотъ, кто имѣлъ въ васъ надобность, отвѣчала княгиня; и съ этими словами уѣхала къ вечернѣ въ домашнюю церковь княгини Ф***.

Въ 1835 году я сидѣлъ съ Н—нымъ въ его кабинетѣ.

— Что, не поѣхать ли намъ сегодня въ маскарадъ?—сказалъ я ему.

— Избави меня Боже отъ такой бѣды, вскричалъ Н—нъ, смѣясь во все горло.

— Давно ли ты сталъ врагомъ маскарадовъ?...

— Да вотъ что со мной случилось въ 18** году.

И онъ разсказалъ мнѣ, что вы прочитали.

— Ну, что же тутъ дурного?

— Какъ что? Я помогъ человѣку, котораго не уважаю.

— Это еще не бѣда, сказалъ я. Онъ человѣкъ способный, хоть и интригантъ. Съ тѣхъ поръ онъ могъ исправиться. А, можетъ быть, еще ты обезпечилъ этимъ судьбу достойной женщины и всего семейства, которыя, конечно, невиноваты въ характерѣ господина С—на?

-- И то правда, сказалъ Н—нъ весело, и поѣхалъ со мной въ маскарадъ.

Если рассказъ „Невѣрина“ и не вѣренъ, то, во всякомъ случаѣ, говоря словами итальянской поговорки, хорошо выдуманъ. Пушкинъ ловкимъ перомъ нарисованъ среди той блестящей обстановки, которую такъ любилъ поэтъ, и о которой онъ говоритъ въ „Онѣгинъ“:

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣривъ нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма...
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость.

Н. Лернеръ.

